

ВА ЛЕКСЕЙ Силыч Новиков-Прибой. Вы должны себе представить плотного, коренастого русского человека. Сильный был человек. Большая бритая голова, нависающие черные брови, усы с сединой, тоже нависающие, такие моржовые... И взгляд, внимательный, пристальный, бодрый. Говор у него был ясный, простой, среднерусский. Силыч ведь из тамбовских крестьян, года рождения 1877-го. Родился в пору русско-турецкой войны.

Познакомился я с Силычем после гражданской войны, в Петрограде, куда он часто приезжал то на чтение, то по делам издания своих книг и так далее. Писал Алексей Силыч много, со вкусом — труженик был, настоящий труженик.

Это была пора появления первых его книг, двадцатые годы. Вы знаете эти книги — «Морские рассказы», «Море зовет», «Ухабы», «Женщина в море» и другие, очень широко известные нашему народу произведения.

Я как-то потащил Силыча к нашим балтийским морякам. В нашей морской аудитории — я тогда был командиром на одном из кораблей Балтийского флота — старого матроса, участника цусимского боя, Алексея Силыча, принимали неизменно доброжелательно. Любили его за простую повадку, за честный, открытый разговор, за хорошую шутку.

Моряки не раз спрашивали: «А почему у Вас, Алексей Силыч, фамилия двойная, откуда это?»

Силыч отвечает спокойно, с прищуром так:

— ...Объясню: когда я начал писать, а это было в 1906—1907 годах, то в русской литературе уже работал писатель Новиков Иван Алексеевич... Потому мне, второму Новикову, уже подписываться «Новиков» было неудобно. Спутали бы, опять же старшего писателя немножко как-то подвел бы. Тогда придумал я иную фамилию — псевдоним, назвал себя «Матрос Затертый», намекая этим на тяжелое положение матроса в старом царском флоте. Ну,

напечатал одну брошюрочку, другую. Посмотрел, потом подумал, подумал — Матрос Затертый! Нет, не звучит. Что-то очень жалобное... Подумал еще, написал «Новиков-Прибой». И мне понравилось. Пошел к друзьям: «Ну как, нравится?» И им понравилось. Ну вот так с тех пор и повелось. Ну, а вам как, дорогие друзья? Нравится Новиков-Прибой?

...Постепенно, с годами я сблизился с Алексеем Силы-

ков Алексей, баталер, шел в поход на эскадре Рождественского. День за днем вел он свой дневник. Он записывал все перипетии похода, все события, происшествия. Писал и про друзей, и про недругов. Он участвовал в страшном бою у Цусимы, которому он впоследствии посвятил свою книгу.

Когда русская эскадра была разгромлена, — автор дневника сжег его. Но в памяти этого упорного матроса

правду о Цусиме, о преступлениях царизма и о доблести простых матросов и офицеров, которые пошли и приняли бой.

Силыч как раз в те годы примкнул к революции. Он распространял уже в плену революционные брошюры. С этими брошюрами и с чмо-даном своих ценнейших записей готовился он возвратиться на большом пароходе в Россию, в родимую Россию. И тут провокаторы жандарм-

обалдело шарахнулась, а матросы прорвались и спаслись. Озлобленная толпа налетела на нашу опустевшую палатку, разметала ее с колышками, взяла все вещи, записки и все сожгла». В том числе опять погибли все записки Силыча.

Я напоминаю сейчас обо всем этом, чтобы было яснее, на какой подвиг вновь пошел наш Силыч, наш русский писатель, наш матрос. Он заново, в третий раз, начал восстанавливать свои записки. Он писал их год за годом, скитаясь по миру, сидя в воинских клоповных кубриках, плавая на пароходах вдали от Родины, не зная ничего толком о России. Но он верил в нее, верил в свой народ — в великий и смелый народ свой. Знал, что народ поднимется, сбросит оковы царизма и установит свой справедливый строй. Поэтому он и продолжал свою работу.

И вот после двух лет скитаний Новиков-Прибой, матрос с коммерческих пароходов, выпустил первые свои книжки о Цусиме — маленькие брошюры. Царская цензура немедленно конфисковала их. Как? Кто? Что?..

...Сама жизнь наградила наконец писателя: в его деревне, когда начиналась коллективизация, где все перестраивали для новой жизни, случайно были найдены записки, которые Силыч считал пропавшими. Записки долгих его лет, с 1907 по 1913 год.

Как сиял Силыч, когда он это мне рассказывал.

— Да, Всеволод, пойми, ведь нашли!

— Как не понять! Да, понимаем, дорогой!

Какая была радость на его лице: записки, неоцененные, найденные колхозниками, как бы восстановленные в четвертый раз, были вновь в руках Силыча...

...Он писал упорно, вдумчиво, писал кровью сердца. И вот Россия, наш Советский Союз и весь мир наконец получили роман «Цусима».

Спасибо тебе, дорогой наш Силыч, хороший, умный, упрямый русский человек! Спасибо тебе за дело твоей жи-...

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

ОН ПИСАЛ КРОВЬЮ СЕРДЦА

Рукописное наследство Всеволода Вишневого огромно! Только в ЦГАЛИ хранится несколько тысяч его рукописей, заметок, писем...

Ниже публикуются фрагменты из радиоречи об А. С. Новикове-Прибое, подготовленной Вс. Вишневым 26 марта 1947 года к 70-летию юбилею автора «Цусимы», умершего за три года до этого. Как утверждает автор публикации Н. М. Горюхова, это пока единственный документ, проясняющий связи и взаимоотношения двух видных советских писателей-маринистов.

На этой изобилующей авторскими поправками рукописи Вс. Вишневым написано: «Выправлено».

чем. Лучше узнал его, рассказы его доходили до души. Писал он точно, был настоящим писателем-реалистом и вместе с тем писал романтически-приподнято. Даже в произведениях, написанных им до революции, не было пессимизма.

Новиков-Прибой умел показывать здоровую, умную, упрямую русскую матросскую породу. Он знал ее на совесть. Сам прошел суровейшую школу Кронштадта, действительно повидал службу, поплавал под разными широтами и о моряках мог рассказать так, как мало кто умеет.

...Пришла война 1904—1905 годов — война с Японией. Японцы напали на Россию коварно, неправомерно, подло: Новиков-Прибой, тогда еще просто матрос Нови-

кое многое осталось. И должно было пройти более двадцати пяти лет, пока Силыч вновь собрал все эти свои воспоминания, вновь восстановил все материалы и написал свой глубокий, правдивый до конца, сильный роман «Цусима», известный ныне всему миру.

Но все это произошло не сразу. Силыч после боя, как и тысячи других матросов, был взят в плен. В плену он решил: восстановлю свой дневник. И он стал вновь записывать свои воспоминания, рассказы спасенных, рассказы матросов с других кораблей о том, что происходило в походе и в бою. И таких записей собрал он ни больше ни меньше — целый чемодан.

Алексей Силыч был очень упорен и работоспособен, горел идеями: рассказать России

ского типа — дело было в одном из японских лагерей — убедили малограмотных суевверных солдат: «Вот, мол, такой тип завелся, против начальства идет, сам пропадет и вас за собой потянет...» и так далее. Солдаты струхнули: «А, против царя идешь!» И трехтысячная толпа окружила кучку матросов, которые жили вместе в одной палатке.

— Давай сюда этого Новикова!

Еще немного, и дело бы кончилось кровавым самосудом. И вот Силыч рассказывал мне: «Ну, что было делать? Ну, скажи? Не сдаваться ведь? Вынули мы ножи. Матросов было нас человек шестнадцать и прямо бросились вперед. — Расступись! Что будет, то будет. И толпа

Мои заметки, Москва, 1969, 5 мая